

БОГДАНОВ П.Г.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ
(1935-1992)**

1992г.

Автобиографическая повесть Богданова Павла Григорьевича
(воспоминания с 1935 по 1992 годы)

Эту повесть не просто бегло прочитать, а надо прочитать вдумчиво, потому что это не фантастика, а реальность, она рассказывает, на что способен человек, какие невзгоды в своей жизни он может вынести. У каждого в жизни своя судьба складывается, и надо за жизнь бороться, какой бы она не была. Пока проживешь жизнь, встретишь все - и хорошее, и плохое. А теперь вот только приходится вспоминать...

Давно собирался описать свою автобиографию, чтобы после моей смерти могли прочитать мои дети и внуки, чтобы имели представление о своих предках, т.е. родственниках. Судьба свела нас с супругой, как будто мы договорились с ней. Как у меня, так и у нее дедов уже не было, мы их не видели. А отцов видали только в детстве. Вина в том, что была война, она всё перепутала. Мы их представляем только из рассказов. Мой отец рассказывал, как был на войне в 1914 году, был в плену в Германии, немного рассказывал про плен, но мало рассказывал о своей жизни. Был каким-то служивцем в церкви, работал в ресторане швейцаром, играл в духовом оркестре, читал псалтыри по покойникам. Помню, как умер отец Марии Андреевны, это отца свояк, муж сестры матери тети Анны. Семья была большая, Мария Андреевна, наша двоюродная сестра, Илья, Полина, Вася, Коля – наши двоюродные братья и сестры, все они были старше меня. Один Коля младше, он с 1926 года, а я родился 5 июля 1925 года. Помню, как умер дядя Андрей, как лежал на лавке, мы сидели за перегородкой, нам было в то время по 4-5 лет, и нас почему-то разбирал смех. Они жили от нас за 15 километров, нам казалось это далеко. Иногда ходили вдвоем к ним в гости босиком по дорожной пыли.

Наша родина – Смоленщина, деревня Булгаки Андреевского района, 5 км от Валочки, 15 км от Хармтирского, 3 км от Каменца, 50 км от Вязьмы. Мы жили на хуторе, 2 км от Булгакова, на берегу Днепра, это в самом верховье. Ходили в Каменцкую школу, сумки школьные из самотканого полотна. Там стояла церковь, вокруг церкви летали ласточки, стрижи, летали голуби, там они вили гнезда.

Мы с братом Васей ходили на рыбалку с удочками летом, а весной в половодье вечерами ловили наметками. Это такой длинный шест, в конце шеста прибита поперечная палка, при помощи шнура натянута сетка, которую вязали тоже сами. Поскольку мы были еще маленькие, то нам приходилось одному давить книзу, второму поднимать и плавно опускать на воду и тянуть. Ловились плотвички, голавчики, окуньки, а сколько было радости, когда попала щука.

Весна нам приносила много радости, прилетали скворцы, мы сами мастерили скворечники, развешивали на длинные шесты, вверху прибывали кустик, на который садились скворцы и очень красиво пели.

Население жило бедно, хлеб стряпали из ржаной муки с добавлением картошки, пшеничный хлеб стряпали только по праздникам. На наших бедных землях сеяли лен и рожь, сажали картошку. За трудодни платили очень мало, вся надежда на приусадебный участок.

Осенью, когда замерзал лед, ходили кататься на коньках, коньки делали сами. Берется брусочек с закругленным носиком, делается желобок, прикладывается проволока, в поперечнике просверливается два отверстия, протаскивается сыромятный ремешок и прикручивается к ботинку или валенку.левой ногой отталкиваешься, а на правой катишься, даже соревновались, кто дольше прокатится на одной ноге. У берега было мелко, мы ложились на лед и смотрели, как подо льдом плавают рыбки, вода была прозрачная. Как-то летом Вася, Коля Маруев и я плавали на лодке и уронили Колин ботинок, искали, искали, так и не поймали, нам было ужасно жалко и боялись родителей. Прошло много времени, отслужили, стали взрослые. Коля приезжал в гости в Курган, нарисовал мне в честь 37-летия картину. Эта картина до сих пор целая. Сейчас она у нас в Киеве висит на стене как память. Я ее врезал в багетную рамку, а Игорь Селиверстов покрыл ее бесцветным лаком. Смотрится очень красиво.

Но вернемся в детство. Помню, как зимой на лошади ездили в район за хлебом, набирали по несколько булок, его морозили на улице, перед употреблением растаивали и получался хороший мягкий хлеб. Питались плохо, жили без денег, даже не на что было сахар купить. Частенько даже привозили из Москвы тетки сахара, мама насыпет щепотку, и мы макаем хлебом. Так было вкусно, это было наше лакомство. Как-то тетя Марфа привезла эмалированное ведро кильки. Мы наслаждались с удовольствием с картошкой, сваренной в мундире. Лошадь была своя, ездили за хлебом.

Был и жеребенок, отец его зарезал, ели украдкой, закроемся на крючок, сварим в чугушке мяса и наслаждаемся, не дай бог, кто зайдет, считалось позором есть лошадиное мясо, оно считалось несъедобным. А сейчас?

Мы с Васей стали подрастать, отец стал наниматься в пастухи. Платили мукой, стало жить полегче. Мы с Васей по очереди по понедельникам помогали пасти. Питались у хозяев, жили по три дня. Каждая хозяйка старалась пастухам приготовить повкуснее. Стадо было небольшое, 30 коров.

Волочек – это бывшее поместье какого-то барина. Стоял двухэтажный каменный дом. У дома был чудесный липовый парк, где раньше разгуливали господа. За парком было озеро, оно впадало в Днепр. На этом озере была сооружена плотина, на платине была мельница, все движение вращало большое колесо с ковшами, которое двигало всю систему. Вода попадала на колесо и с шумом падала вниз, внизу стояла. Мы ходили ловить рыбу удочками. Однажды в наводнение плотину прорвало и все замерло. И потом ее никто не ремонтировал, и стояло это сооружение мертвым капиталом, потому что наше, а не мое.

Продолжаем пасти и все хорошо, но однажды потерялась корова. Мы три дня ходили искать. На четвертый день нашли. Она была в трясине, яма с торфом выгорела и была заполнена водой, а у коровы была видна только голова. Расстраивались три дня, ведь пришлось бы платить. Жители были всякие. У некоторых было столько клопов, что всю ночь не спишь, гоняешь. А клопы, как правило, любят новичков. Однажды мы с парнем спали под навесом на жердях на сене. И его стал бить припадок ночью. Я испугался, не знал, что и делать с ним. Приключения были всякие.

На следующие два сезона отец договорился в деревне Мулушево, это еще дальше Волочка на 3 км. Вокруг деревни были посеы. Из деревни был сделан выгон, коридор из жердей, выгоняли стадо, потом начинался лес. Стадо выгоняли в четыре часа утра, природа просыпалась, пели песни птицы. Отец нас всяко забавлял разными выдумками. Однажды нас удивил. Нашли ольху, ровную, длиной с метр, середину – сердцевину выдолбили, в конце расширили, как муз инструмент. Половинки обмотали черной изолентой. Отец умел выводить какие-то мелодии, этой трубой созывал стадо, чтобы гнать домой. Чтобы не скомпрометировать себя, старались, чтобы коровы были обязательно сытые.

Когда я закончил 5 класс, мы переехали на станцию Игоревская. В леспромхозе дали нам комнату в насыпном бараке. Коридор длинный, вправо и влево комнаты. По соседству жил парикмахер, толстый такой с огромным пузом, еврей. И такая же его жена. Жили они богато, мы с ними дружили, мы у них были как бы на побегушках, покупали продукты. Нам частенько перепадало какое-нибудь жаркое. Отец работал в леспромхозе на складе сторожем. Мы с Васей часто разгружали вагоны, а поскольку мы были еще подростки, то работали вдвоем за одного, разгружали, так называемый, балласт, это двухметровые 12-15 см толщины, я только теперь знаю, что это стойки в шахты. Потом я пошел учеником столяра в столярную мастерскую при лесхоззаводе. Я был способным учеником у 60-летнего мастера, с первого месяца стал делать самостоятельно табуретки, проучился полгода. А Вася пошел учеником сапожника.

Отец заключил договоры по переселению в Курганскую область, тогда она была Челябинской, были большие льготы, давали подъемные деньги, дом, корову.

Приехали в Байдары. Помнится, какие замечательные пшеничные калачи пекли, мы на Смоленщине и в глаза такого не видали. Но настоящая жизнь длилась не долго. Мы приехали в 1940 году (мне было 14 лет) в июне месяце, а в 1941 началась война, и все кончено. Отца забрали в трудовую армию, началась голодовка. В колхозе начался падеж скота, остались одни женщины и дети, спасались от голодной смерти, кто как мог, кто сможет что-то украсть, чтобы выжить. Подохнет лошадь или корова, вывезут за деревню к куче навоза, к утру уже все растащат. Собирали колоски на поле, но за колоски судили, а за трудодни ничего не получали. Пока не был забран, отец сторожил на току на дальней

пашне за 15 км от деревни, я работал там помбригадира, вел учет трудодней и обмерял землю и начислял трудодни, т.к. бригадир был неграмотный и инвалид. За мной был закреплен маленький конек. Я на нем ездил верхом, его не запрягали, т.к. он был маленький. Век не забыть, как я приехал к отцу на пашню, насыпали полмешка пшеницы, положили на волокуши из двух березок, напоролись на какой-то корешок, мешок порвался, и потянулась струйка из зерна. Чтобы скрыть следы, пришлось волокушами затирать, иначе тюрьма. Мне, наверное, было уже лет 16, я смастерил мельницу из двух пней. В одном было отверстие и рукоятка, а в рабочую часть вбил битые осколки из чугуна. Получалась из пшеницы какая-то крупа. Помню, как за деревней стояла ветряная мельница. Мельника звали Македон, он курил всегда козью ножку, играл на старинной гармошке-однорядке. Мы стали подрастать. У Егора был баян, играл он хорошо, а у меня была самодельная балалайка, мы сделали с одним специалистом в столярке на станции Игоревская. Ануфриева Егора убили, он так с войны и не вернулся, был летчиком.

Помню, как однажды ехал верхом галопом на коне, он споткнулся, упал, голова подвернулась, перевернулся на спину, я полетел как каскадер. Правда, все обошлось благополучно, ничего не поломал, был ведь молодой.

Стали подрастать, к 16 годам стали ходить по улице с девчонками, мы были самые старшие парни. Наступил 1943 год, стали призывать в армию. Васю забрали 9 января 1943 года, мы с ним шли за один год. Второй набор был в июне 1943 г. Помню, как нас провожали в район с котомками и слезами. В Половинском военкомате переночевали, отправили нас в Челябинск на сборный пункт. Допризывников было много. На каком-то этапе, не помню, была большая комната, вроде казармы, трехэтажные нары, никакой постели, спали в чем есть. На третий день нас стали сортировать, кого куда. Я попал в Чебаркульские лагеря, это 5-7 км от станции. Это была не служба, а каторга. Вокруг вдалеке возвышались горы, но не скалы, ходили на тактические занятия. Вначале я попал в снайперскую роту. Старшина был строгий, фамилия его Шульга, плотный коротенький упитанный хохол. Землянка, в которую входила рота. Придет, посмотрит на часы, дежурный по роте кричит подъем, а нары были высокие трехэтажные, прыгают со второго и третьего этажа, суматоха, у кого обмотки раскатались, кто портянки потерял, он сразу кричит: «Отставить!!!» Снова все залегают, ждут команды. И так 2-3 раза, опоздавший получал наряд вне очереди, после отбоя мыли пол, отбой в 23-00, а они моют до часу ночи, а в шесть подъем. Спали на шинелях, под головой наволочка, набитая соломой. Под шинелью сушились портянки, вместо матрасов из прутьев сплетены маты. В землянке-казарме воздух спертый, воняет портянками, кормили: 600 г хлеба и баланда, у многих не держалась моча. Слышим, то со второго, то с третьего яруса зажурчало. В землянке дверь не закрывалась, непрерывно выбегали в туалет. Итак, подъем сделан, старшина выводит по взводам на построение. Утренний осмотр-переключка, дует уральский зимний ветер. Стоят все в шинельках, сзади видно, как выпирают лопатки, на лице пушок стоит дыбом, шерсти-то еще не было, каждому по 17-18 лет. Столовая сделана на улице под навесом и на столах сделаны стеллажи и лавки. Хлеб черный, тяжелый. Разделим по пайкам, один из нас показывает на паек пальцем, второй кричит, отвернувшись, чтобы не видели, кому достанется... Пока принесут баланду, не выдерживаешь, щиплешь по крошечке, смотришь, а пайки-то уже и нет. Сидели по отделениям, в отделении 12 человек. Миски были сделаны из жести консервных банок, через край выпил, а тут и команда «Вставай!». Со столовой идешь, а кушать хочется больше, чем в столовую. Ну, весь распорядок дня описывать не буду. На вечернюю поверку-переключку выводили вполночь одиннадцатого вечера. Большая у всех радость была, когда попадешь в наряд на кухню. Всю ночь чистишь картошку, но зато могли и сварить, и испечь, кухня-то была батальонная. Часто объедались и потом страдали от поноса. Наш 313 запасной стрелковый полк, из полка была рота слабосилки. Это люди, у которых при ходьбе подгибались колени или опухшие с синевой кожей. Часто были самострелы, не выдерживала психика, было и дезертирство. В маленьких земляночках жили офицерские

семьи, там у нас был базарчик, торговали табаком и хлебом. Вытаскивали пайку обеда и ужина в замусоленной тряпке. Хлеб ржаной, плотный и тяжелый как кирпич, коробка спичечная табака менялась за пайку хлеба, сахар тоже меняли на табак. Ложка сахарного песка стоила коробки табака. Возле землянок на помойке искали что-то съедобное, в основном, головки от селедки. Кто хотел в санчасть попасть, он делал так: 5-6 головок селедки наглотает, опухнет, и тогда его уложат в лазарет. В этом лагере тогда много было частей. В нашем полку было снайперская рота, пулеметный батальон, минометный батальон, взвод ПТР – противотанковое ружье, рота связи, отдельная маршевая рота. Эта рота была обмундирована во все новое: обмотки, красные английские ботинки, бушлат, от полка до стрельбища было 5-6 км, у каждого подразделения свои мишени. Запомнилась отдельная рота связи, там ребята все были подобраны рослые и постарше. И когда проходят деревню, то старушки выходили со слезами, очень хорошо они песню пели, вот такие слова: «Легендарная, непобедимая родная армия шлет нашей Родине песней привет!».

Потом перевели меня в пулеметный батальон, это для меня самое большое испытание, шел восемнадцатый год, продукты с кухни уплывали прямо на глазах, крупы заменяли капустой, потом разоблачили, что это было вредительство. Повара были гражданские девицы, как отъевшиеся телки, сержантский и старшинский состав были все уже в годах, на кухню ходили со своими котелками, жили подолгу, отъелись.

Готовили нас на фронт. Пулемет несли раздельно, кто тело, кто станок, кто коробки с патронами. Я ослаб и никак не мог нести станок. И таким образом с помкомандира взвода пошел конфликт. Часто получал наряд вне очереди. Помкомвзвода был здоровый, уже в возрасте, ему было лет 30. После отбоя вызывал нас за бугор и заставлял бегать. Когда уже не было сил, тогда он толкал ногой в спину, я падал и захлебывался от слез. Век не забыть его фамилии: ВАНЮХИН. С нашей маршевой на фронт их не посылали, боялись, чтобы шальная пуля не попала в спину. Даты сейчас я не помню, прошло много лет. И вот мне по какой-то причине повезло: набирают отделение из 6 человек и отправляют в командировку в Челябинск с матросами, матросы едут получать снаряды для Ленинграда, а мы охрана. В эшелоне выделили вагон, оборудован нарами, а посередине стояла буржуйка... И вот эти моряки обнаружили вагон с макаронами, нас поставили на охрану, никого не допускать, а сами сорвали пломбу, вытащили пару бумажных мешков, и мы варили в котелках макароны, вот тогда и стали набирать силу. Матросы сдавали наряды, а мы лежали на нарах, сытые и довольные.

Прошло много лет, поэтому даты я не помню, буду писать отрывками, что придет в голову, то и вспомню. Не помню, по каким мотивам или по везению, приехали «покупатели», так в армии называли тех, кто приезжал за пополнением. И вот я попадаю в школу младших командиров. Правда, хоть и муштровали, но все же по-человечески. Хотя тоже не сахар. Под лозунгом «Закалка» за 7 километров носили на плечах бревна, становились на дистанцию в один шаг, заваливали бревно на плечо и несли, строили командиру полка дом. Земля неровная и на плечо давило не одинаково, до боли.

Вспоминаются, правда, и хорошие времена... На определенное время, кто умел запрягать лошадь и ухаживать за ней, переводили в хозвзвод для восстановления силы. Возили со станции Кунгур, это была Молотовская область, на повозках для полка продовольствие. Я как-то вез сухари и сало. По дороге съел два сухаря во всю буханку и большую пластину сала. И желудок справился, не болел.

Дедовщины здесь как-то не наблюдалось. Не помню, сколько месяцев мы учились, (кажется, 6), присваивают младшего сержанта. Приехали «покупатели» и я попадаю в 27 гвардейскую воздушно-десантную бригаду. Привезли нас в лес, где располагалась часть. Начали учить прыгать. Вначале в песок с трехметровой высоты, потом укладке парашютов, и прыжки с парашютом. Самолет был «Дуглас», брал по 22 человека, сажали и цепляли карабинчиками на трос и стропа обрывная, которая принудительно вытаскивала парашют. Тренировались и ночью. Случаи были всякие, на деревьях зависали, даже на

телефонных проводах. Смертельных случаев, правда, было мало. Готовили нас выбрасывать в тыл. Наши войска были уже в подступах к Венгрии. Нас обмундировали во все новенькое, уложили парашюты. У каждого парашюта свой паспорт, чтобы знать, что я его укладывал. Подогнали эшелон и погрузили парашюты. И ожидали приказа на отправку. Ничего не делали, просто лежали на нарах и ожидали свою судьбу. И так, наверное, лежали недели две. Потом поступила команда разгрузить парашюты и отправить пехотой. На душе у каждого полегчало, может, у кого счастье выпадет, можно вернуться раненым. Погрузили нас в эшелон и повезли на фронт. Это было в конце 1944 года.

Буду описывать то, что видел своими глазами. Приходилось ездить на самоходке десантом, потом располагаться по фронту. Видел, как лежали мертвые солдаты, заветренные от ветра и солнца. При наступлении мы прятались за трупы. Вспоминаю, как форсировали реку Раба в Венгрии при взятии города Папа. Мост обстреливался. Мы перебежали по одному. Кто перебежал, а кто и оставался лежать на мосту. На том берегу заняли боевую позицию, и продолжалось наступление. Меня сбросило еще на этом берегу взрывной волной, очнулся только к вечеру, а вечером свободно перебежали под покровом темноты, соседние подразделения уже заняли по берегу боевые позиции. У меня даже сохранилась благодарность от Сталина за овладение городами Папа и Девичер, форсирование реки Раба и овладение городами Черно и Шарвар, Кесег и выход на границу Австрии, за овладение городом Винерноштадт: «Вперед, герои! На Запад, на Вену!». А 4 апреля 1945 года командир части гвардии подполковник Атгисьян продвигается с боями вперед на запад, освободили Вену. Награжден медалью «За взятие Будапешта» 13 февраля 1945г. А-098202, «За взятие Вены» 13 апреля 1945 г. А-5160067.

Немного об уличных боях Вены. У нас был командир роты, отличный человек, как мог, сохранял личный состав. Я сейчас подробностей не помню, помню только, что нас обстреливали, стреляли из окон и чердаков. Идешь на «проческу», там уже мундир военный, а сами в гражданском, поднимают руки: «Гражданский, гражданский!». Помню, как в уличных боях осколком ранило одного товарища с нашего отделения. Я оттащил его в сторону, разрезал брюки финским ножом, перетянул выше раны, перевязал медицинским пакетом и дальше кровь вычерпывал пригоршнями. После войны мы стояли в Венгрии, жили по отделениям в землянках, так он приходил к нам в землянку на костылях на одной ноге, благодарил меня за спасение. А рана у него была выше колена, осколочное ранение, струилась кровь, и если ее не остановить, то человек истекает кровью и умирает.

Также вспоминаю лейтенанта ОЗАРОВА, это командир роты. Мы находились по эту сторону железнодорожного полотна с насыпью. Наша задача была перейти на ту сторону насыпи. Командир роты, чтобы дойти без потерь, повел нас в обход, прошли под мостом без потерь. Потом нам надо было форсировать канал на Дунае, немцы заняли оборону по ту сторону канала, к воде невозможно было подойти, строчили пулеметы, минометы. Мы временно окопались. На третью ночь поступила команда переправляться на подручных средствах. Стали приобретать, что под руку попадет: бочки, ворота, доски и т.д. Можно представить нашу радость, когда над нашими головами полетели в сторону противника снаряды, их было видно, как они с шумом пролетали. Это вселяло моральный дух. После прочески справа от нашей позиции был подорванный мост, середина которого была в воде. Шли по грудь, течением прижимало к перилам. Это было где-то в середине апреля, вода была жгуче холодная, но нам было не до холода. Мы форсировали без потерь. За каналом заняли позицию. И так дальше, вперед, на Запад! У меня был ручной пулемет Дегтярева. На двух ножках, сверху круглый диск, который заполнялся патронами. Помню, как-то уже за Веной, мы дислоцировались в лесу по горной местности, налетели бомбардировщики, мы успели спрыгнуть под уклон с дороги вниз. Прямым попаданием разнесло повозку, убило двух лошадей, а мы остались живы.

Вспоминается последний бой. Это на высоте № 616, мы наступали со стороны леса. На вершине был плетеный забор, за забором окопался противник. Наша задача была

выбить окопавшегося противника и продвигаться дальше в наступление. Но противнику было легче с горы пускать ротные мины, гранаты, фаус-патроны. Мы гранаты не могли добросить, они сами катились под уклон. Мы строчили с пулеметов, карабинов, минометов. Поступила команда: встать, вперед, в атаку! Все поднялись и с криком «Ура!!» стали наступать. Вдруг у меня что-то грохнуло за спиной, боли я не почувствовал, ощущение такое, как будто кто-то ударил палкой, и сразу повисла рука. Я побежал вниз, в лесу находился медсанбат. Немного спустя появилась сильная боль, дали мне 100 г спирта и без всякой анестезии стали оперировать, т.е. вынимать осколок. В военном билете запись: одно легкое ранение 25.04 1945г. получил в составе 356 гвардейского полка, справка № 694 от 14.05. 1945г.

Санбат располагался в австрийском монастыре, монашки ходили в форме, на голове белый угловатый колпак, халаты черные и белый большой воротник. Они нам готовили пищу, нас оставалось всего 4 человека, т.е. санбат уехал с частью, а нас оставили охранять ПФС склад. Оставили команду выздоравливающих, в том числе и меня, я к тому времени мог стоять на посту. Помню, как мы стреляли в воздух 9 мая, когда передали День Победы, такая была радость, кончилась война, и мы остались живы! Мы поехали замыкающими на грузовой машине, с нами был завскладом, пожилой в старшинском звании. Передвигались по заданному маршруту из Австрии в Венгрию. В лесу размещались по отделениям, в землянке одно отделение. Помню, как ходили в город в клуб, выделяли по два человека в виноградники, началась обыкновенная лагерная служба. Также была генеральская линейка, т.е. вечерняя проверка, групповые умывальники и привозная вода. Нас даже отпускали в отпуск на 10 суток. Мне тоже посчастливилось побывать в отпуске в Байдары. Добирался товарными вагонами, но на станциях не всегда товарники останавливались. Мне надо было сойти в Варгашах, Товарняк чуть замедлил ход, я с вещевым мешком прыгнул и покатился с насыпи. С Варгашей добирался 40 км уже как мог.

С этой же части формировали на самый торжественный парад, т.е. Парад Победы. Набирали в основном, кто имел ранение и правительственные награды. Я попал в эту команду, но просеивали неоднократно. И вот я стоял уже на дивизионном сборе, перед нами стоял американский самолет Дуглас. И уже в строю не повезло, отсчитали сколько надо и отрезали, всего трех человек не дотянул по росту.

Помню, был в командировке в Австрии на заготовке леса для дислокации войск, лес сами пилили, распиливали на лесозаводе, нужны были доски для нар в грузовые вагоны. Послано было одно отделение, стояли по квартирам по два человека. Хорошо запомнил, как впервые за всю свою жизнь спал на перине и укрывался пуховым одеялом. Немец, хозяин квартиры был в России и разговаривал на ломаном русском языке.

Однажды я с отделением был командирован сопровождать пленных немцев из Венгрии в Чехословакию. Наша задача была с помощью офицеров и переводчиков обеспечить порядок. Старшим с нами был офицер, выделен был один грузовик и Виллис. В Виллисе замыкающими ехали немецкие офицеры, один генерал и один переводчик. На отделение – колонна пленных в 500 человек. Мы были с автоматами и отвечали за побег. Стояла июньская жара, некоторые немцы раскисали, вели друг друга под руки, некоторых подбирала машина. Днем идем, к вечеру находили чистую поляну и сдавали пленных местным старостам, которые выделяли охрану, а мы по квартирам шли отдыхать. Местные чехи держали их жестко, положат и не разрешали расхаживать по поляне. Случай был один, офицер застрелился, были и такие: уничтожали свои вещи, чтобы нам не досталось. Некоторые разрубали на ленточки голенища хромовых сапог. После передачи двигались обратно самостоятельно, срок нам был не установлен. Помню, в одном поселке стояли трое суток, мужики из пивбара не вылезали, пили пиво, а я в то время пиво еще не пил. Я познакомился у одного Бауэра со служанкой, она ухаживала за коровами (кажется, было 4 коровы), мы с ней ездили косить клевер, косить я уже умел. Привезем клевер, коровам раздадим и сидим на зеленом душистом клевере. Успели

познакомиться. Вот что такое молодость, мне тогда было 19 лет, ей тоже где-то так, сидели, обнимались и даже целовались. Приятное воспоминание осталось надолго. Мне кажется, это были мои первые поцелуи, меня же забрали в армию в 17 лет в 1943 году, шла война, было не до поцелуев.

Потом наши части стали передислоцироваться в Россию. Колонна растянулась на несколько километров. Говорят, путь был где-то 900 километров. Шли пешком и долго, спали мало, проходили по 50 км в сутки. Ехали повозки, машины, танки, пушки, шла пехота. В города заходили, в центре стоял духовой оркестр и играл марш. Под звуки духового оркестра, как бы ни устали, сразу становилось идти легче. А колонна идет, как будто и конца нет. Это был своего рода смотр Советской армии, какая мощная армия вышла с войны с победой. Идти, конечно, было нелегко, и если на пути попадал колодец или колонка, все стремились напиться и набрать фляжку воды. Двигались по благоустроенным дорогам, справа и слева смешанные леса, лето, природа чудесная. Шли и по ночам. Случалось, конечно, и заскакивали в придорожные сады, наслаждались вишней. А когда с головы колонны по цепи передавалась команда «привал вправо», ложились головой вниз а ноги из кювета в сторону асфальта и в течение 5 минут крепко засыпали. На мне были немецкие крепкие кованые яловые сапоги, в течение марша я их износил в пух и прах, дороги-то железобетонные, грызут как наждаком.

Итак, да здравствует Россия! Прибыли мы в Белую церковь. Это 90-100 км от Киева, началась нормальная действительная служба. Снова наша часть стала 27 воздушно-десантная бригада. Начались регулярные занятия, отбой, подъем, построение, вечерняя проверка, тренировки с парашютом и т.д. В апреле 1946 года набирают команду из 120 человек, отправляют нас в Киев и стали готовить к Первомайскому параду. Сформировали по ранжиру коробку 120 на 120 = 140 человек и месяц ходили только строевой под военный оркестр, а когда и просто под барабан. Нас вымуштровали четко, шли как часики. 1 мая нас вывели на улицу, прилегающую к Крещатику. Крещатик был разрушен, некоторые дома стояли без окон и без крыш – была послевоенная разруха. Мы шли в комбинезонах десантника со стрелковым оружием. Парад шел торжественно, колонна за колонной, играл сводный оркестр.

Итак, служба идет в Белой церкви. Иногда ходили на ремзавод авиационных моторов. Там ремонтировали авиамоторы и делали новые. С завода приносили кусочки оргстекла и умельцы своими умелыми руками делали из них мундштуки. Не помню когда, приезжают из Киева «покупатели», набрали команду и отправили документы на мандатную комиссию. Итак, меня переводят в Киев в отдельную роту охраны Управления киевского военного округа. Началась новая караульная служба, ходили через день-два в наряд в Штаб КВО. Я ходил помощником караула, иногда разводящим. Бывало, сидишь в караульном помещении поздно вечером с открытым окном, а на горе стоял дом, играла радиолка с пластинкой Утесова. Время идет – служба идет. В 1948 году постановление о демобилизации: всех участников войны демобилизовать, а сержантский и старшинский состав оставить до особого распоряжения. Итак, это особое распоряжение длилось два года. Ну, тут мы стали совсем стариками, прослужили по 4-5 лет, да еще фронтовики, никакого с нас спросу, никакой дисциплины. У нас в роте было две лошади, одна грузовая машина. Был портной, сапожник. Я тоже был отстранен от караула, обслуживал казарму, т.е. ремонтировал, где пол, где рамы, приобрел столярный инструмент. Алмаз был в подчинении старшины. Ходил по квартирам старших офицеров, ремонтировал квартиры, трофейную мебель. Кормили меня, даже сто грамм перепало. Узнали, что у меня в Москве тетки, значит не надо квартиру искать и стали меня часто посылать в командировки в Генеральный штаб с генералами и полковниками. Я, как охрана, с пистолетом, на вокзал на машине, в Москве подъезжала машина к вагону. Приезжаем из генштаба, меня освобождают. Скажут только, когда явиться. Я нахожусь то у тети Паши, то у тети Дуси. Вечерами ходил в Кунцевский парк на танцы. (Володя, сижу и вспоминаю, как мы с тобой сидели в Кунцево в кафе, потихоньку пили красное вино и беседовали. Так

приятно вспоминать, как водил ты нас с мамой на Бородинскую панораму, как вызывали тебя из клуба, как ты вел концерт, рассказывал грузинские анекдоты).

При сопровождении командиры были всякие, с которым в купе закроюся, пистолет под подушку, а он портфель под подушку, посапываем всю ночь. Который трус – заставлял дежурить всю ночь. Перед праздниками работали с художником. Дважды за хорошее оформление давали по 10 дней отпуска с дорогой, я дважды до Кургана не доезжал, а только до Москвы.

У нас в роте было свое подсобное хозяйство. Однажды я был послан с отделением на работу. Это в Житомирской области, Коростышевский район, село Царивка. Жилось нам как котам, получали паек, да еще и там кормили. Все молодые, ходили на вечерки. В Киеве у меня была постоянная увольнительная. Ходил на танцы при Дворце культуры завода «Большевик», ходил в школу бальных танцев, преподавал какой-то немец Миллер. Летом ходили на танцплощадку (это за зоопарком, недалеко от института, в котором мне

Фронтовики. Первый слева Павел Богданов

делали операцию). Мне сильно нравился в оркестре ударник-виртуоз. Бывало, что даже на ужин перед танцами не ходил. Зимой ходили в клуб «Пищевик», это такая круглая танцплощадка, паркетный пол. Я издали намечал себе партнершу и при первом звуке вальса шел через весь круг и первым вальсировал. Кружились подолгу, некоторых партнерш приходилось даже поддерживать, я был натренирован. Партнерша получала большое удовольствие, если, конечно, она сама легко танцевала. В общем, конец службы прослужил неплохо.

Старшина роты Шевцов был сверхсрочник, жил на нашем этаже с женой, детей не было. Я, конечно, хорошо жил с ним. Делал ему рамы и другую столярку. Бывало, скажет: «Богданова не будить, он ночью работал...». Нас было трое: конюх, плотник и шофер. Через дорогу по улице Мельника был ботанический сад, там работали девчонки, с которыми мы дружили.

Итак, служба окончена. За семь лет повидал всего: и страх, и унижение, и холод, и голод, и тепло. Наступила пора добывать жилье, питание, одежду и вообще, налаживать цивилизованную семейную жизнь. Был вариант более легкий – остаться в Киеве, приглашали меня сверхсрочником, приглашали и в милицию, обещали через два года квартиру. Но совесть не позволила так поступить, т.к. мать меня ждала уже 7 лет. Больная и старая она, и вдруг ее бросить? Итак, в апреле месяце я демобилизовался, стал искать себе работу с жильем. В Кургане устроился на лесопристань, получил комнату в бараке, где был общий коридор. В этой же комнате и кухня и столовая, прихожая и спальня. Перевез мать с моей сестрой Марией, которая тоже была на иждивении матери, мать пенсию не получала. Я стал работать один, заработок был маленьким, приходилось работать по 10-12 часов. Ходил на приработки с одним мужиком, уже пожилым, строили в Северном поселке частные дома, в основном складывали старые, я делал рамы и более чистые работы. Время шло, стал подумывать о женитьбе. В отношении девиц проблем не было. В основном ходил на танцы во Дворец культуры железнодорожников. Меня познакомил гл. механик лесопристаны с

учительницей, жила с матерью, имели они свой большой дом. После женитьбы переписали бы на меня. В общем, в материальном плане было бы, конечно, легче, но я ее не любил, а без любви я не согласен. Два дня ходили с ней, посидели дома с ней, на этом дело и закончилось. У меня был задумка жениться на молоденькой. В Киеве я побродил и жизнь понял, уже не молоденький, мне шел уже 25 год. Продолжаю ходить на танцы. В клубе Карла Маркса на танцах стоят две девчонки в одинаковых платьях, сшитых из простенького ситца, в брезентовых туфельках, начищенных черным кремом до блеска. Грянул духовой оркестр, заиграла музыка, я первым прямо через зал приглашаю сначала одну, потом вторую девушку, потом прошел с ними и проводил их до дому, они даже и не знали, кто из них будет принадлежать мне. Одна Валя, а другая Зина, так и завелась наша дружба. Дружили недолго, всего один месяц. Предлагаю жениться. Итак, договорились 26 декабря 1950 года расписать без всяких торжеств. Отпросились с работы и в рабочей форме пошли расписались, и вот уже 1990 г – исполнилось 40 лет, как мы живем с Зиной.

Итак, надо готовиться к свадьбе. Свадьба была на Новый год, по обычаю жених не должен трогать невесту до свадьбы. Мы ночевали три ночи вместе, несмотря на то, что мне было 25 лет, а ей 19 лет, берег для себя как свежую розу или тонкий хрусталь. Этот хрусталь был разбит только после свадьбы. Готовились к свадьбе недолго. Съездили на санках на пищекомбинат и купили бочонок бражки, позвали несколько соседей, две пары друзей и свадьба обошлась недорого. Перед свадьбой нужно было привезти вещи невесты, глухой воз. Взяли саночки, поехали вечером, чтобы меньше видели, и привезли пару подушек и перину, сделанную из болотных початков, вот такой был пух. У меня из вещей была солдатская перешитая шинель и серый вельветовый костюм, вот и все вещи.

Немного пожил все вместе, демобилизовался мой брат Вася. Зине дают комнатку в деревянном двухэтажном доме по ул. Коли Мяготина, принадлежащем фабрике. Там у нас

Вовочке 5 мес. 1952г.

и родился Володя. На работу ездили на велосипеде. По пути на лесопристань завозил Зину на раме до трикотажной фабрики. Комнатка была маленькая, 9 кв. метров, плита была развалена, и поэтому тепло не держалось. Вечером так натопишь, что уши жжет, а утром вода замерзала. Потом приехала ее мама Мария Федоровна с Ритой. Рита ходила еще в 5-й класс. У матери пенсии не было никакой. Можно было представить, как нам жилось. Потом с Благининым на пару стали строить у ворот лесопристанни насыпной дом. Выписали на лесопристанни горбыля да тесу, стал заготавливать рамы, двери, строили сами с Зиной. Нанимать кого-либо для помощи не было денег. И так из молоденькой хохотушки стала труженица в 21 год. Во всем работали на пару и перешли в недостроенный дом, даже еще штукатурка не высохла. Место дома без плана, зона затопляемая, нас трижды затопляло, вода доходила до половины окон, собаку и курей затаскивали на чердак, через месяц возвращались: у стены штукатурка обвалилась, снова ремонт, снова штукатурить и

ремонтить печку. Опять работы на пол-года. После трехразового затопления решили взять участок в Западном поселке, тоже на пару. У одной работницы муж был шофер, думали, что хороший партнер, а он привез камня и пропил права, от строительства отказался, пришлось нам строить одним.

Итак, начали строиться по-новому, взяли на фабрике ссуду 10 тысяч и расплачивались 10 лет, высчитывали прямо из бухгалтерии, а заработок настолько мал, что никаких денег не хватало на проживание. А свобода была в таких кавычках, что если директор не подпишет, не имеешь права уволиться. Люди шли на всякую хитрость, в колхозе была беспаспортная система и люди делали умышленно какое-нибудь преступление, чтобы осудили, а, уходя из колонии, получали паспорт и устраивались на производстве. Я работал на лесопристанни, мне надо было тоже уволиться, но не отпускали, и я вынужден был устроиться в колонию, где проработал 9 месяцев. После ее ликвидации я в 1953 году поступил учеником пом. мастера на Курганскую трикотажную фабрику, где проработал 24 года.

Итак, мы начали строиться в 1957 году.

Сколько было радостей в 70-е годы! Вспоминаю, как Герман ловил ракушек и варил их на костре. Наши женщины смеялись и плевались, а мы пробовали их на вкус.

Летом в хорошую погоду ходили купаться на Тобол с большой надутой камерой от трактора «Беларусь», на которой можно было плавать 3-4 человека, барахтались, веселились и в тоже время учились плавать. Я учил плавать Володю, Таню, Юру, научились плавать Игорь, Вадик, а вот Рита и Зина так и не освоили. Я мог свободно часами держаться на воде. Ребятишки переплывали на тот берег. Частенько купались на оз. Болдинцево. Переплывали на тот берег. Там были обкомовские дачи. На Тоболе берега были чистые, зеленые. Клали на траву подстилку и блаженствовали на солнышке. А теперь все загажено. На том берегу построены дачи, на этом построены гаражи, валяются тряпки, пропитанные маслом и бензином. Травы не стало, грязь, мусор, как всё изменилось. Я вспоминаю: когда Юре было 7 лет, мы ездили на рыбалку в низовье Тобола, ездили с небольшой камерой, утром рано сидели с удочками на камере. Комары жрали беспощадно! А теперь наши внуки этого не увидят, все уничтожено. У меня было 4 свояка, а теперь я остался один. Умер Герман, Леонтий Карлович, Николай Иванович, вот так судьба распорядилась.

Недаром в песне поется:

«Судьба во всем большую роль играет
И от судьбы далеко не уйдешь.
Она тобой повсюду управляет,
куда зовет, покорно ты идешь.
Судьба изменчива всегда,
то вознесет тебя высоко,
то в бездну бросит без стыда...»

Больше всех остался в памяти Герман, потому что, когда мы с Зиной поженились, Рита ходила в 5-й класс и в основном воспитывалась с нами. Когда они познакомились, мы жили на берегу Тобола, у нас стояла баня. Володе было где-то 4 года. Чтобы не мешал им любиться, ему давали молоток, и Володя в бане вбивал в пол гвозди! С Германом я общался больше всех. Он был хороший собеседник, начитанный спутник. Играл на губной гармошке, а то и просто на гитаре, имел хороший бас, хорошо пел, любил выпить, но не напивался, был хорошим фантазером, хорошо занимался с детьми, придумывал всякие наряды, особенно на Новый год. Новый год часто проводили в лесхозе. За костюмы и пляску нам с ним всегда доставался первый приз. Однажды Леня и Маша из Одессы уезжали, он не побоялся и поехал водиться с Иринкой к ним в Одессу. Помню, как-то внучка Любашка жила неделю у Германа, и не хотела ехать домой в Рябово к матери, вплоть до слез. Помню, как-то шли из гостей под хмельком по деревянным тротуарам из Рябово. С гитарой всю дорогу фокстротом зашли в привокзальный магазин, купили по большому куску сыра и всю дорогу наслаждались. Помню, как запел Герман под гитару на украинском языке густым басом:

«...а мий батько и твой батько
оба были чудаки:
среди хаты сели сраты,
развонялись, як быки..»

(Вставка: Мой батя Павел Григорьевич со своим свояком Германом Ивановичем были очень хорошими друзьями, вместе часто отмечали все праздники, но особенно мне запомнились их встречи Нового года, который встречали не только в лесхозе, но и у нас, в Западном поселке на Менделеева, 84. Пока женщины Зинаида Алексеевна с Маргаритой Алексеевной, их жены, чего-то там суетятся в первый-второй день нового года, эти два друга, батя с баритоном и Герман с барабаном с музыкой по поселку! Как правило, играли фокстрот. Услышав музыку, соседи зазывали в гости. Обычно, они доходили по Менделеева только до конца квартала, на большее уже сил не хватало. Домой возвращались уже изрядно навеселе, наугощавшиеся, и неотвратимая в таких случаях «проработка» жен должного эффекта не имела.

А какой-то из новогодних праздников они встречали у знакомых в Шевелевке (сейчас там целый микрорайон современных домов рядом с Центральным парком, а тогда просто поселок частных домов), с гулянки они возвращались почему-то вдвоем и шли в Западный поселок по льду реки Тобол. Конечно, с песнями, т.к. у них было! Аллюминиевый пятилитровый чайник браги и тазик винегрета! К утру пришли довольные и веселые...)

В 1976 году я заболел. И жизнь, и страх, и слезы, и расход, и боль, и трудности... Проллежал я в городской больнице 10 дней. Из Челябинска пришел результат анализа самой страшной болезни. Вышел я из больницы, зашел в горсад и сам с собой разговариваю. Стоит на постаменте колесный трактор: ты стоишь на постаменте с 1939 года и еще будешь стоять, а я, видимо, оттопал эту землю, сколько лет прожил, радовался живым существам, каких только не было животных и птиц, приучал детей к природе. Из Москвы привезли черепаху, радовались пушистым щенкам, котяткам, крольчатам, канарейкам, что плели гнездышко, любовались, как кенар пел в зимнее время, как будто побываем в лесу на природе и слушаем соловья. А Юра был маленьким, приносил ворону, грача, ящериц, маленького ужа, ежа. Держали мы и козу, и овечку, поросенка, курей – все было. Жизнь была хоть и трудная, но интересная.

Итак, положили меня на облучение в Рябково в онкодиспансер. Проллежал я все лето. Получил 6200 рад, тогда так называли. Сейчас называют грей. Это 620 грей. С половины облучения назначили на консилиум в Челябинск. Там сказали, что надо срочно делать операцию. Зав. поликлиникой посоветовал ехать в Киев, мол, у меня там знакомый, вместе заканчивали институт, фамилия КРАСИЙ, он покажет профессору Цыганову Алексею Ивановичу. Профессор меня посмотрел, сказал, что нужно встать на учет, а так он ничего не может сделать, я же не житель УССР, а институт республиканский. Приехал я в Киев, на второй день поехал в Министерство здравоохранения. Мне говорят, вы из другой республики, мы принять не можем. Я в приемной на стульях выложил все свои документы, говорю, когда воевал, республик мы не признавали, и заявил им: вы меня отсюда вынесете только на носилках, сам я не уйду, пока не поставите на учет. Женщина в белом халате ушла. Выходит через минут тридцать и говорит, давайте ваши документы. Итак, поставили меня на учет, присвоили мне номер учетной карточки. В 1977 году меня снова направляют на операцию. Профессор Цыганов Алексей Иванович (ныне покойный, умер от рака желудка в 1989 г. осенью), говорит: операцию пока делать не надо. Естественно, настроение сразу же поднялось. Мы с З. А. сразу пошли на обед в ресторан «Краков», спокойно сели, заказали обед, бутылку сухого вина и спокойно посидели.

Помню, в полу был устроен бассейн, красиво оформленный, в нем плавали рыбки. В 1980 году снова приезжаем на операцию, собрали консилиум врачей, решили удалять

полностью гортань. От полного удаления, пока не посмотрит профессор, я отказываюсь. Я уже знал, что такое полное удаление, это потеря речи, вечная дыра в горле и вечная трубка. На второй день меня консультирует профессор Цыганов, похлопал по плечу, не расстраивайся, удалим частично, сделаем как надо, будешь разговаривать, только тихо и слабым голосом. Назначили число, прохожу анализы, в то время без сдачи крови родственникам операции не делали. Приехал Володя, сдал кровь. Итак, началась госпитальная жизнь и больничная кровать. Шел 1980 год, в нашей стране в Москве и Киеве проходили Олимпийские игры. Настроение паршивое, институт им. Коломийченко находился на ул. Зоологическая, №4, это за зоопарком, в парке завода «Большевик», неподалеку танцплощадка. Лето, льются звуки джаз-оркестра. Помню, как на этой танцплощадке я учился бальным танцам. Это было в 1948-1950 гг. Вел кружок танцмейстер мужчина средних лет, стройный элегантный немец по фамилии Миллер. Слышны звуки вальса в тихие украинские вечера. Это было на 6-7 году службы.

Корпус хирургического отделения. Это трехэтажное довоенное здание из белого кирпича, вдоль всего здания широкий коридор, направо и налево палаты и всякие хозяйственные комнаты: столовая, перевязочная, сестра-хозяйка и т.д. Больных где-то человек 70, большинство с трубками в горле и шлангами в носу и из них большинство не разговаривают, только ходят по коридору с опущенными головами, как мертвики, скучные и невеселые, каждый знает, что это за отделение. Многие забинтованы, бинты все в крови. В отделении неприятный запах, везде грязь, уборщиц нет. Когда я был в состоянии, то свертывал постель, а она вся была в крови, уносил в спецкомнату, брал ведро с водой, швабру и мыл окровавленный пол. В палате 5-6 коек. Когда заходишь с улицы, сразу ударяет вонючий запах. На весь корпус одна ванная, очень грязная, запущенная. Туалет один на всех. О нем и говорить нечего. Мне неоднократно приходилось в ночное время заменять санитарку. Были случаи, когда приходилось спасать людей от смерти, бывает, что кто-то кашляет, швы лопаются и хлещет кровь, как из ручья. У каждой койки над головой должна гореть лампочка, но обычно их приносили из дома. Тараканов ужасно много, ночью свет включишь, они так и шуршат. В столовой никакого порядка, кто питается нормально, получают с окошечка, а трубочники, т.е. кто питается через нос шприцем, для них получают пищу родственники. Принесут ведро пищи – очередь. Кому достанется, а кому и нет. Со стороны obsługi отношение как с пленными, кричат, ругаются, как будто перед ними виновные.

И так все десять операций...

Из десяти операций три операции делали в Кургане. В больнице операции делал главврач лор отделения по фамилии Деблик Михаил Трофимович. Помню, лежал как-то в двухместной палате, и вот, только сделали операцию, хожу забинтованный с трубкой, не разговариваю, подсаляют ко мне в палату после операции больного тоже с трубкой. Оба не разговариваем, его подобрали на вокзале с сильно опухшей гортанью и сразу на операционный стол. Товарищ оказался неряшливым, руки грязные, сам весь черный, харчки с трубки летят куда попало. Я его воспитывал как мог, чуть ли не на кулаках. И это длилось пять дней. Потом оказалось, что у него открытая форма туберкулеза. У меня, конечно, настроение было ужасным, к счастью не заразился.

Каже хйба: вин буде житы. Ну, вот, как видите, живу. Правда, хвалиться нечем, нервная система расшатана, изменилась походка, кружится голова, шатает в стороны, заплетаются ноги, стал жиреть, растет живот, питаюсь нормально, движение замедленно. Видимо, сказываются наркозы, да и возраст подходит к 70 годам. Какое после всего может быть хорошее здоровье. Вот и хожу, качаюсь, ноги шаркают об асфальт. Я уже 3 или 4 раза внушал себе, чтобы не делать наркоза. Соглашался делать под местной анестезией, т.е. местные уколы, привязывают ноги и руки и режут. Вначале ничего, под конец, когда выходит обезболивание, страшная боль.

Конечно, нужно не забывать, вместе со мной немало потеряла здоровья и моя спутница жизни. Сколько бессонных ночей, слез, ведь без сиделки операцию не делают,

без присмотра можно и задохнуться. Сидела ночами, ухаживала за мной, дай ей, бог, здоровья, она мой спаситель. Теперь мы все ближе и ближе к закату...

В молодости я, как зять, со стороны тещи Марии Федоровны считался не из лучших. Однако она в основном жила у нас. Когда мы с Зиной поженились, нужно было поднимать школьницу Риту, она ходила в 5-й класс, и потом теща пенсию не получала, дети должны кормить и одевать, а когда заболела, пролежала в постели 2 года у нас. Я не брезговал, в постели поднимал ее и подсовывал горшок, было и такое. Недаром говорят, «жизнь прожить – не поле перейти»...

Курганская трикотажная фабрика. На Курганской трикотажной фабрике наша семья считалась династией. Начнем с 1948 года, с самого большого стажа. В тот год на фабрику пришла работать шестнадцатилетней девчонкой Зина еще с фамилией Долгорукова и проработала до пенсии. Постоянно была передовой станочницей, освоила всё вязальное оборудование. Стаж работы 40 лет, в трудовой книжке лишь одна запись.

Зато много записано почетных грамот, благодарностей и наград, Ветеран труда, победитель соцсоревнования за 1974 год, ударник 9-й пятилетки, в честь 30-летия Победы 1945-1975г, ударник коммунистического труда, ее печатали и в газетах. Например, в 1984 году снимок, как ветеран труда Богданова обучает ученицу Желудеву. Я на фабрике проработал 24 года. Выпустил 10 учеников, освоил всё вязальное оборудование, немецкие Рашель, вертелки, фанговые, отечественные КЛЗ, кругловязальные, пропускал новые машины. Постоянно имел поручения, был рационализатором, часто посылали в командировки по освоению оборудования. Был два раза в Ленинграде на заводе «Вулкан», где выпускают кругловязальные машины, в Москве на заводе, где выпускают плоскофанговые машины, на Ивановской трикотажной фабрике, где осваивают плоскофанговые полуавтоматы, в Нижнем Тагиле, Челябинске, Черновицкой трикотажной фабрике. Сохранились газеты «Советское Зауралье» с фотоснимками, где я разрабатывал новый рисунок полотна и всяких механических приспособлений. Имению 14 почетных грамот, 7 удостоверений на рационализаторское предложение, в 1973г. было присвоено звание «Лучший поммастер РСФСР», «Ударник коммунистического труда» и всякие пустые бумажки. В связи с болезнью оборвался мой стаж.

Таня начала работать на фабрике на фанговой машине, принимала участие в демонстрации мод из модельного цеха, демонстрировала в Универмаге вязаные вещи. Училась на машинистку – стенографистку, заочно училась в Челябинском трикотажном техникуме, стаж был прерван из-за замужества: проработав 2 года, уехала к новому месту службы мужа.

Володя тоже принимал участие в фабричных делах. На каникулах в летнее время работал грузчиком, принимал участие в духовом оркестре. В школьные годы по окончанию 10 кл. ему подарили полное собрание сочинений Тургенева. После армии закончил музыкальное училище, потом уже закончил педагогический институт, исторический факультет. Итак, нас считали фабричной семейной династией, общий наш стаж составляет 68 лет.